

Светлое Христово Воскресение

Свт. Григорий Нисский

Слово на святую пасху (о Воскресении) [1].

Ныне восстал из мертвых Христос, Бог бессмертный. Человеколюбивый Спаситель наш добровольно восприял бесчестное для Себя, дабы спасти гибнущего человека,— снизошел в нашу жизнь и восхотел умереть по человечеству, поелику провидел и славное воскресение. Итак, *сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь* (Пс. 117, 24), выражая свое веселие богоприличными размышлениями. Сей день — причина того, что все тела, которые по рождении уничтожили тление, будут отданы земле неповрежденными и воскреснут во мгновение ока (1 Кор. 15, 52). Нельзя и представить, сколько измерений времени потребно было бы для того, чтобы составить обратившиеся в землю кости и привести их в естественную связь,— каким образом каждая душа узнает свое собственное тело и снова быстро вселится в него, откуда опять явится воспоминание о прежней жизни у ожившего существа, разрушившегося за столько веков. Это и подобное, приходя на мысль людям, поражает разум необычайным удивлением и вместе возбуждает недоверие к чуду (ибо когда ум не находит разрешения недоумениям, то, по слабости своей, он в конце концов склоняется к неверию). Но так как мы коснулись такого предмета, о котором непрестанно говорят, и так как сей предмет сроден настоящему празднику, то попытаемся вполне убедить сомневающихся в ясных вещах.

Предположив создать человека, Зиждитель всяческих привел его в бытие, как существо, честию превосходящее всех, и назначил его царем твари поднебесной. Ужели Бог совершил это напрасно — только для того, чтобы человек, появившись на свет, впоследствии совершенно исчез. Думать так о Боге было бы крайне безрассудно (потому что в сем случае Господь действовал бы подобно детям, которые с большим тщанием строят себе домики, но вскоре потом сами же разрушают, так как в действиях своих не руководствуются никакою разумною целью). Между тем учение веры говорит нам, что первый человек был сотворен бессмертным, но что впоследствии, преступив заповедь, он лишен бессмертия в наказание за грехи, однако, Беспредельный в благости, преклонившись по милосердию к делу рук Своих, премудрым промыслом направил все к тому, чтобы восстановить падшего человека в прежнее состояние. Это и истинно, и достойно понятия о Боге, потому что в сем случае Господу приписывается вместе с благостию и сила (высказывать же безучастие и жестокость к подначальным и подвластным несвойственно даже людям добрым). Если же это так, и если Зиждителю рода нашего весьма прилично воссоздать поврежденное творение, то, очевидно, неверующие восстают против воскресения будущего не по чему-либо другому, как по тому, что признают невозможным для Бога воскресить разрушившееся. Но, воистину, только безумным свойственно собственную немощь переносить на всемогущее величие и думать, будто для Бога есть что-либо невозможное и неудобоисполнимое. Как рассеянный прах соединился, и земля стала плотию, каким образом первая жена из малой части ребра образовалась в

целое живое существо, — все это для нас, ничтожных существ, удивительно, а между тем непреложно. После сего можно ли признать здравомыслящими тех, кои, допуская, что из одного ребра соделался человек, не верят, что он же самый может быть воссоздан из всецелого вещества человеческого. Мысль человеческая не в состоянии постигнуть действительную силу Божию, поелику в противном случае не был бы совершеннее нас Тот, Кто совершеннее. Благомыслящие и разумные должны верить тому, что говорит Бог, а не испытывать способы и причины Его действий, как превышающие человеческий ум. Иначе можно будет спросить любопытствующего: скажи, каким искусством Господь создал все видимое? Если ты откроешь это, то законно можешь недоумевать и негодовать, почему, зная причину рождения, не знаешь способа преобразования чрез возрождение, если же для тебя познание сего недоступно, то не досадуй на то, что, не зная причины устройства, ты не понимаешь и способа исправления поврежденного. Один и тот же — Художник и первого создания и второго преобразования: Он знает, как собственное дело, подвергшееся разрушению, привести в прежнее состояние, если нужна мудрость, у Него — источник мудрости, если потребна сила, Он не нуждается в помощнике. Провидя души неверующих, Бог самым делом подтвердил воскресение мертвых, одушевив многие тела скончавшихся (так, например, четверодневный Лазарь вышел из гроба, единокровный сын вдовы от одра погребального был возвращен матери живым) и рабам Своим апостолам даровал силу воскрешать мертвых. Итак, если спросишь меня, как будет воскресение умерших от века, тотчас услышишь обратный вопрос: Как был воскрешен четверодневный Лазарь? (Здравомыслящий человек, конечно, по удостоверению одного примера не будет сомневаться и во многих). Признавая Бога Творцом, ты не можешь сказать, что для Него что-нибудь невозможно, — и не можешь думать, что мудрость Непостижимого постижима твоєю мыслию.

Если семя человеческое, в начале безвидное, бесформенное, велением Божиим, принимает известное очертание и возрастает в плотное тело, то нисколько не странно, напротив, совершенно естественно, чтобы вещество, находящееся в гробах и некогда имевшее вид возобновилось в прежней форме, и прах снова соделался человеком. Рассмотрим пример пшеницы, которым святой апостол поучает безумных, говоря: *безумне, ты еже сееши, не тело будущее сееши, но голо зерно, аще случится, пшеницы или иного от прочих (семян): Бог же Дает ему тело, якоже восхоцет* (1 Кор. 15, 36–38). Вникнем внимательно в произрастание пшеницы, дабы, елико возможно, уразуметь учение о воскресении. Посеянное в землю пшеничное зерно, сгнивши и, так сказать, умерши, превращается в некое млековидное вещество, которое, несколько оплотнев, делается остроконечным белым волокном: выросши настолько, чтобы проникнуть землю, оно из белого мало по малу делается зеленым, — затем, ставши травой и дав достаточно отпрысков, распространяет внизу разветвленный корень, приготавливая подпору для будущей тяжести. И как на корабле мачты со всех сторон прикрепляются множеством канатов, дабы оне стояли твердо, так веревидные разветвления корня служат скреплениями и подпорами колосьев. После того как пшеница вытянется в стебель, Бог укрепляет ствол его коленцами и узлами, делая его чрез то способным к сдержанию тяжести колоса, в самом колосе сперва уготовляются в стройном порядке гнездышки для каждого из зародившихся зерен, — потом выходят

длинные концы колючие (между прочим, для того, чтобы защитить зерна от хищности птиц). Вот сколько чудес заключено в одном сгнившем зерне! Павши на землю одно, в каком числе зерен оно воскресает?! человек же с воскресением не получает ничего большего: снова принимает то, что имел, — и посему наше будущее обновление представляется более удобопонятным, чем в земледелии произрастание пшеницы. От зерна пшеничного перейди к размышлению о деревьях. Зима для них не то же ли, что для нас смерть? В эту пору ежегодно плоды опадают, листья осыпаются, а деревья стоят обнаженными и лишенными всякой красоты. Но приходит весна, и деревья покрываются цветом и листьями и представляют столь красивое и приятное зрелище, что заставляют самих людей переселяться под их тень и покидать свои чертоги.

Перестанем же не верить изменениям и обновлениям: ибо жизнь растений, животных и самих людей даже научает нас, что рождающееся и подверженное тлению непрерывно изменяется и преобразуется. Некоторые, правда, упорно отвергают воскресение на том основании, будто тела наши по смерти совершенно уничтожаются. Но дело обстоит далеко не так: тела наши только разрушаются на составные части свои, остающиеся в воде, воздухе, огне, земле. Если же главные стихии остаются и неизменно хранят вверенные им частицы, то некогда Сотворившему из ничего всю вселенную ужели трудно будет воссоздать из уцелевших начал природу нашу...

По чрезмерной любви к удовольствиям не станем пренебрегать человеколюбивым обетованием Божиим. Противники раскрываемой нами мысли, воистину, обнаруживают в себе друзей зла и врагов добродетели. Так как учение о воскресении соединено с мыслию о суде, на котором мы восприимем достойное воздаяние за дела жизни, то, сознавая, что постыдные дела их достойны великого наказания, сии люди, по ненависти к суду, отвергают и самое воскресение. Так злые рабы, растратившие имущество домовладыки, представляют себе и погибель господина и вымышляют пустые предположения, сообразно тому, чего сами желают. Но так рассуждать не станет ни один здравомыслящий, потому что какая будет польза от правды, от истины, от благодати и вообще от всего доброго, если нет воскресения? Если смерть есть предел жизни, то оставь обвинения, порицания и предоставь невозбранно свободу человекоубийце, прелюбодее, если нет воскресения, пусть человек преступает клятву, ибо смерть ожидает и того, кто соблюдает клятвы,— пусть иной постоянно лжет, потому что нет никакого плода от истины,— пусть никто не милует бедных, так как милосердие остается без награды. Если нет воскресения, то — вымысел все то, что написано о богаче и Лазаре (и что предвозвещает будущее состояние наше,— вымысел,— ужасная пропасть, нестерпимый пламень, горящий язык, жажда воды, персть бедного (Лк. 16, 20–27). Богодухновенный Иезекииль видел обширное поле, полное костей человеческих, проречь на которые было повелено ему,— и оные кости обрастали плотью, и то, что было разъединено и беспорядочно расторгнуто, совокупилось одно с другим в стройном порядке (Иез. 37, 1–12). Сим не с достаточною ли ясностью доказывается нам оживление сей плоти? Самые наименования — воскресение, оживление, преобразование и подобные переносят мысль слышащего оные к телу тленному, ибо душа наша бессмертна, будучи же бессмертною, она имеет общником своих дел смертное тело, почему во время мздовоздаяния

праведного душа снова вселится в своего сотрудника, дабы с ним воспринять общие наказания или награды. И подлинно, если при всяком деле душа и тело соединяются друг с другом, если в достижении совершенства тело труждается вместе с душою и в прегрешениях не отстает от нее, то несправедливо и неразумно влечь на судилище одно — невещественную душу. По слову священного писания, осужденные будут подвержены огню, мраку, червю. Все это — наказания для вещественных тел, души же самой никогда не коснется огонь, и мрак не может быть для нея тяжел, и червь не мог бы ничего сделать ей.

Итак, последовательный ход рассуждений всесторонне побуждает нас признать воскресение мертвых, которое совершит Бог в надлежащее время, делом утвердив Свои обетования. Да веруем же Рекшему: *грядет час, в оньже вси суции во гробех услышат глас Сына Божия..., и изыдут сотвориши блага в воскресение живота, а сотвориши злая в воскресение суда* (Ин. 5, 28–29). Господь не только обещает, но ежедневно подтверждает, что Он — всемогущ, как в начале при творении Бог не утомился, не изнемог от сего, так и при пересоздании Он ни у кого не потребует совета, мудрости. Посмотрим на настоящее и мы поверим тому, что будет. Всякое действие Божие возбуждает в нас изумление. Та невыразимо чудо, когда мы видим, что черты уже не существующих отцов и прадедов точно переходят на наружность потомков, и дети носят на себе отпечаток предков, как бы воскрешая умерших, а части и особенности многих лиц вместе отображаются в одном теле (нос отца, голос матери, глаз деда, походка дяди),— и один человек представляется как бы каким растением, принявшим прививки от многих деревьев и приносящим при сборе многообразные виды плодов. Посему крайне неразумно допускать, что отличительные признаки уже истлевших тел в ежедневно рождающихся в настоящее время людях воскресают, а вместе с тем отвергать, что особенные (собственные) свойства каждого в самых тех лицах, которые некогда приобрели их, не возобновятся и не оживут,— и не признавать верным словом обетование Того, Кто составил это видимое нами, украсил, как восхотел. Но мы веруем воскресению, воссылая славу Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[1] Сокращено. Приб. к Церк. Вedom. 1897 г. № 15–16.